Караченцов Ник

КАРАЧЕНЦОВ ПРОЖИЛ НА "АВОСЬ" 700 РАЗ

Белые пятна "Юноны"

"Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь..." — кто не знает этой щемящей нежности, пропетой грубым мужским голосом, тот не знает ниче-го. Ибо романс графа Резанова из спектакля "Юнона" и "Авось", как и сам спектакль, давно стали культовыми. Сегодня на ленкомовской сцене "Юнону" сыграют в 700-й раз. И в семисотый раз на сцену в роли русского первопроходца, ветром отчаянной дерзости занесенного в Америку, выйдет Николай Караченцов.

История театра, конечно, знает цифры и покруче: некоторые спектакли отыграли по тысяче и более раз. Но, во-первых, не все из них так впечатались в память не одного поколения, как "Юнона". А, во-вторых, как сказал Станиславский артисту Ивану Москвину, 600 раз сыгравшему царя Федора: "Выйти на сцену более шестисот раз — это подвиг". Впрочем, о подвиге и прочих пафосных понятиях в "Ленкоме" не думали.

Читайте 3-ю страницу.

Коллаж Анатолия ГУБАНОВА.

КАРАЧЕНЦОВ ПРОЖИЛ НА "АВОСЬ" 700 РАЗ

Премьера "Юноны" и "Авось" состоялась 8 июля 1981 года. За 18 лет мюзикл посмотрело около миллиона зрителей. Спектакль гастролировал во Франции, Греции, Венгрии, Голландии, Чехословакии, США, Дании, Израиле, Болгарии, Германии. Из первого состава в "Юноне" и "Авось" осталось четыре человека — Игорь Фокин, Вилор Кузнецов, Александр Садо, Николай Караченцов.

Николай Караченцов:

— В день премьеры пришел Захаров и поставил нам на гримерные столики по иконке — мне, Лене Шаниной и Люде Поргиной, исполнявшей роль женщины с младенцем. Очень боялись сдачи спектакля, Марк Анатольевич даже думал играть без антракта, чтобы крамолу первого акта прикрыла любовь из второго.

А было все это в 1981 году — во времена всеобщей идеологической построенности. Главреж-коммунист Захаров под влиянием беспартийного поэта Вознесенского поутру поставили в церкви свечи Казанской Божьей Матери и двинули сдавать "Юнону", как это было принято тогда, суровой комиссии из чиновников от культуры и партийцев от коммунистов. Авторы шли как на Голгофу, уже ни на что не надеясь.

А на что, собственно, рассчитывали безумцы, если со сцены театра с их легкой руки **впервые** рвалась рок-музыка. К тому же **впервые** со сцены открыто и с вызовом молились. И в довершение всего **впервые** демонстрировали обнаженное женское тело, сплетенное с мужским отнюдь не в лирическом стыдливом акте. При таком наборе приказ "партбилет на стол" Захарову был обеспечен. И вдруг...

То ли, как уверяет Вознесенский, не зря свечки ставили, то ли еще что, но в "Ленкоме" случилось невозможное — рок-мюзикл "Юнона" и "Авось" приняли с первого раза. Это было тем более странно, что спектакли скромнее и менее опасные здесь сдавали по многу раз. То, что проглядели бдительные цензоры, через какое-то время сформулировал журнал "Штерн" после гастролей "Ленкома" по Германии: "В связи с тем, что религия в СССР полностью разгромлена, то единственное религиозное питание для молодежи осуществляет ныне дважды орденоносный Театр имени Ленинского комсомола".

"Юнона" демонстрировала моральную неустойчивость — неблагонадежные слова про то, что "Российская империя — тюрьма", сопровождал показ Богоматери и обнаженной красавицы Кончитты.

Марк Захаров:

— Ну нет, никакой обнаженки на сдаче не было. Мы побоялись. Актриса Шанина была в длинной прозрачной рубахе. А раздели мы ее только во времена Горбачева, любившего повторять творческой интеллигенции: "Боритесь, боритесь".

Елена Шанина — первая исполнительница роли Кончитты:

— Насчет обнажения у меня были ужасные переживания и даже споры с Захаровым. Мандраж наступал, когда мы уезжали на гастроли в Париж, где я была уверена, что меня для буржуев точно разденут. Хотя на самом деле я была одета до ушей: прозрачная длинная рубашка прикрывала трусики-бикини, и только когда я падала, видна была грудь. Может быть, поэтому все думают, что я была совсем раздета.

О, у "Юноны" много белых пятен, которые открываются только со временем. И про тайно поставленные свечки, и про иконки, про женское тело и дублера... Да-да, у Николая Караченцова, оказывается, был дублер, и артист сам его готовил на случай... Тот самый, о котором в "Ленкоме" помнят как о кошмаре июля 1985 года.

Николай Караченцов:

— Это была самая ужасная "Юнона" в моей жизни. В Куйбышеве мы играли спектакль. И вдруг во втором акте, перед моей дракой с Абдуловым, практически на ровном месте у меня назад вылетает колено.

— То есть как?

— Ну вывернулось назад. Я от боли уполз в кулисы и ударом кулака вернул его на место. Вышел на сцену, сделал шаг — и адская боль. Ребята меня прикрывали как могли. Сашка Абдулов практически таскал меня на себе.

В кулисах уже ждала "скорая". Артисту поставили диагноз "разрыв связки коленного сустава, повреждение мениска" и загипсовали на два месяца. Но о дублере на "Юнону" вопрос тогда не стоял. К нему вернулись в 1991 году, когда "Ленком" отправился на гастроли в США.

Во-первых, дублер — это было условие театральных профсоюзов Америки, во-вторых, опасались, что Караченцов не потянет 40 спектаклей. Однако после двадцатого Марк Захаров подошел к артисту и сказал: "Коля. Я боюсь! Вам придется играть до конца". Караченцов играл. А американские критики настолько восхищались им, что в восторге окрестили артиста драмы бас-баритоном. Интересно в этой истории то, что дублер **Юрий Наумкин** по окончании гастролей остался в США, сейчас является владельцем небольшого кабачка под названием "Дядя Ваня". К счастью, это случилось в то время, когда за "предательство Родины" отдельными артистами главрежи не несли ответственности. В противном случае Захарову было бы не сносить головы.

— Марк Анатольевич, но все-таки Караченцову уже за 50. Не собираетесь ли вы ввести кого-нибудь из ленкомовских красавцев на роль 40-летнего графа Резанова?

Марк Захаров:

— Тут я консерватор, да еще и однолюб. Николай Петрович — один из создателей этого музыкального предприятия. И "Юнона" будет идти до тех пор, пока у него будут силы и желание в ней участвовать. А Кончитты будут меняться. Видите ли, рано или поздно наступает момент, когда девушке со сцены нельзя говорить, что ей 16 лет.

Потрясающий спектакль. Он вывез "Ленком" в Париж, в США. Показал артистам, что мир — это не только социалистический лагерь. И не лагерь вообще.

Андрей Вознесенский:

— Когда в Париже у Пьера Кардена мы выходили на поклоны, из зала публика кидала цветы. Сцену буквально завалили ими. Но это были не розы и не гвоздики, а орхидеи. Я знаю, что никогда в жизни не буду ходить по орхидеям.

И многих артистов спектакль]открыл как звезд.

— После Кончитты на меня накинулись журналисты, — говорит Елена Шанина. — "Если бы я знала, что я звезда, — сказала я им тогда, — то я хотя бы капризничала". "Юнона" — это моя любовь, моя юность.

Добавим — и не только ее.

Шанина работала Кончиттой 11 лет. Ее сменила **Алена Хмельницкая**, которую в свою очередь заменила **Инна Пиварс**. Если верить режиссеру, дело дойдет и до четвертой, пятой, десятой... Неизменным останется лишь Николай Караченцов, на месте которого представить другого артиста просто невозможно. Гордо вскинутая голова. Золотом расшитый высокий воротник мундира. Эполеты. И "...Ты меня никогда не забудешь. Ты меня никогда не увидишь".

Марина РАЙКИНА.

Моск. комсомолец. — 1999. — 25 февр. — с. 1, 3